

ЖЮЛЬ
ВЕРН

ПУТЕШЕСТВИЕ К ЦЕНТРУ
ЗЕМЛИ

РОБУР-ЗАВОЕВАТЕЛЬ

ВЛАСТЕЛИН МИРА

ФЛАГ РОДИНЫ

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фр)
В35

Серия «Классика мировой фантастики»

Переводы *Марко Вовчок, Якова Лесюка,
Елизаветы Шишмаревой, Анны Тетеревниковой,
Деборы Лившиц, Ольги Моисеенко*

Иллюстрация на обложку Сергея Красовского

Серийное оформление и дизайн обложки *Юлии Межовой*

Верн, Жюль

В35 Путешествие к центру Земли. Робур-Завоеватель. Властелин мира. Флаг родины / Жюль Верн.— Москва: Издательство АСТ, 2019.— 701, [1] с.—(Классика мировой фантастики).

ISBN 978-5-17-112432-8

Фантастика Жюля Верна в наше время стала реальностью. В «Робуре-Завоевателе» главный герой изобрел вертолет и объявил будущее за летательными аппаратами тяжелее воздуха. Во «Властелине мира» он создал самолет. Во «Флаге родины» происходят бои между подводными лодками, и корабли топятя оружием, напоминающим баллистическую ракету. И хоть не все предсказания оказались верны (ядро нашей планеты не холодное, как в «Путешествии к центру Земли», и динозавры там не обитают), от таких «ошибок» произведения Жюля Верна становятся еще интереснее. Словно писатель создал альтернативный мир.

© Ф. Бастиан, вступ. ст., 2019
© Яков Лесюк, наследники, 2019
© Елизавета Шишмарева, наследники, 2019
© Анна Тетеревникова, наследники, 2019
© Дебора Лившиц, 2019
© Сергей Красовский, ил., 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

«Я, ДОЛЖНО БЫТЬ, РОДИЛСЯ МОРЯКОМ...»

Сложно представить, какой бы была современная фантастика, если бы не Жюль Верн. Его творчество оказалось путеводной звездой фактически для всех писателей этого жанра. И не только для них. «Романы Жюль Верна превосходны. Я их читал совсем взрослым, а все-таки, помню, они меня восхищали. В построении интригующей, захватывающей фабулы он удивительный мастер. А послушали бы вы, с каким восторгом отзывается о нем Тургенев! Я прямо не помню, чтобы он кем-нибудь еще так восхищался, как Жюль Верном», — свидетельствовал Лев Толстой.

«Я, должно быть, родился моряком и теперь каждый день сожалею, что морская карьера не выпала на мою долю с детства», — рассказывал о себе сам Жюль Верн, уже будучи известным писателем. Он вполне мог стать капитаном, потому что родился 8 февраля 1828 года на острове Федо на Луаре, недалеко от Нанта, в доме своей бабушки Софи Аллот де ла Фюи, принадлежащей к семье известных кораблестроителей и судовладельцев. Но его отец адвокат Пьер Верн был потомственным юристом и видел своего сына исключительно продолжателем своего дела. Это совершенно не совпадало с желаниями самого Жюля. И семья матери (ее брат в свое время совершил кругосветное путешествие), и окружение (учительница пансиона, в который его отдали в шесть лет, часто рассказывала, что ее муж, капитан, потерпел крушение 30 лет назад и наверняка до сих пор живет на каком-нибудь

«Я, ДОЛЖНО БЫТЬ, РОДИЛСЯ МОРЯКОМ...»

необитаемом острове, подобно Робинзону Крузо) — все влекло будущего писателя к дальним странствиям. Существует легенда, что в одиннадцать лет Жюль даже тайно устроился юнгой на трехмачтовый парусник, и лишь в Памбёфе, расположенном на Атлантическом побережье, перед самым выходом в открытый океан отец перехватил его. Он взял с сына слово путешествовать только в своем воображении, но заставить его жить вопреки воображению не смог. Литературный дар проявился рано: к девятнадцати годам Жюль Верн уже писал стихи и пьесы в стиле Виктора Гюго. Отправленный отцом подальше от моря в Париж учиться на адвоката, он в 1949 году познакомился с обоими Дюма, сдружился с сыном, а знаменитый отец стал покровителем молодого литератора. Благодаря ходатайству Александра Дюма-отца 12 июня 1850 года была поставлена пьеса «Сломанные соломинки».

Из Жюля Верна определенно получался драматург музыкальных комедий, тем более что он устроился работать в театр секретарем, но в 1851 году он встретился со своим земляком Пьером-Мишелем-Франсуа Шевалье, более известным как Питр-Шевалье, главным редактором журнала «Семейный музей». А тот как раз подыскивал автора, способного писать о научных достижениях и технологических новинках не только увлекательно, но и поучительно. Верн с его живым интересом к наукам, особенно географии, подходил для этой работы как никто другой. Жанр нашел своего автора. Уже в июле 1851 года в журнале вышел рассказ «Первые корабли Мексиканского флота», написанный под влиянием приключенческих романов Фенимора Купера, а в августе — «Драма в воздухе». Музыкальные комедии стали постепенно уступать место авантюрно-приключенческим романам. Правда, в 1856 году Жюль Верн поссорился с Питр-Шевалье и перестал сотрудничать с «Семейным музеем» вплоть до 1863 года (пока не появился новый главный редактор). А в 1857-м в связи с женитьбой оставил малооплачиваемую должность театрального секретаря и стал биржевым брокером.

Возможно, Жюль Верн так бы и остался литератором-любителем, чьи друзья-театралы время от времени ставят его пьесы, но в 1862 году он познакомился с известным издателем Пьером-Жюлем Этцелем, публиковавшим Бальзака, Жорж Санд, Гюго. Верн показал ему свою новую рукопись. Этцель одобрил, внес

некоторые корректировки, и уже 31 января 1863 года вышел роман «Пять недель на воздушном шаре». Миру явился тот самый Жюль Верн.

Это было плодотворное сотрудничество. Собравшись выпустить научно-популярное издание «Журнал воспитания и развлечения», Эртцель заключил с Верном договор, который обязывал последнего ежегодно писать по три романа за фиксированную плату. Писателю это дало финансовую стабильность, а читателю впоследствии — неисчерпаемый источник впечатлений: творческое наследие Жюль Верна включает 66 романов, более 20 повестей и рассказов, более 30 пьес, несколько документальных и научно-публицистических работ. В 1864 году вышел второй роман, «Путешествие и приключения капитана Гаттераса», сначала главами в номерах журнала. Затем Эртцель предложил издать серию произведений под названием «Необыкновенные путешествия», чтобы «обозначить все географические, геологические, физические и астрономические познания, накопленные современной наукой, и пересказать их в занимательной и живописной форме». Верн ответил: «Да! Но Земля столь велика, а жизнь так коротка! Чтобы оставить после себя законченный труд, нужно жить не менее 100 лет!»

Впрочем, не все было гладко в этом тандеме. Поначалу Эртцель сильно контролировал Верна. Например, он отверг роман «Париж. XX век», который был случайно найден правнуком писателя и опубликован лишь в 1994 году. И произошел конфликт из-за самого известного произведения — «20 тысяч лье под водой». Изначально по замыслу Верна капитан Немо был поляк, участник восстания 1863—1864 годов и теперь мстивший за гибель своей семьи. Но Эртцель не хотел терять российский рынок и настоял на туманном происхождении главного героя. Писатель пошел на это, но впоследствии никогда не менял что-либо в своих произведениях по требованию издателя.

Жюль Верн умер 24 марта 1905 года. Он прожил долгую жизнь и был свидетелем, как менялся мир в XIX веке — эпохе освоения континентов и торжества паровой машины над парусом. В своем творчестве он не только прославлял прогресс, но и ставил этические проблемы, вызванные технологическими достижениями. В «Пятнадцатилетнем капитане», «Двадцати тысячах лье под водой», «Таинственном острове» он однозначно осуждал мнение о

«Я, должно быть, родился моряком...»

превосходстве европейской культуры над другими, оправдывавшее порабощение людей других рас, что жили на осваиваемых Западом землях. А в других своих романах он предупреждал, куда может привести безответственное использование технологий.

Но прежде всего Жюль Верн — фантаст и провидец. В «Робуре-Завоевателе» главный герой изобрел вертолет и объявил будущее за летательными аппаратами тяжелее воздуха. В его продолжении, «Властелине мира», он уже создал аппарат, способный летать по воздуху как самолет, плавать на воде и под водой и двигаться по земле как автомобиль, что в наше время уже технологически возможно. Во «Флаге родины» происходят бои между подводными лодками и корабли топятся оружием, напоминающим баллистическую ракету. А еще Жюль Верн предсказал создание акваланга, полеты в космос («С Земли на Луну» и «Гектор Сервадак»), видеосвязь и телевидение («Париж. XX век»), строительство Транссибирской и Трансмонгольской магистралей, широкое использование алюминия и возможность пройти Северный морской путь за одну навигацию.

Не все предсказания Жюля Верна оказались верны. Океан находится не на Южном Полюсе («Двадцать тысяч лье под водой»), а суша не на Северном («Путешествие и приключения капитана Гаттераса»), не существует подземного пролива под Суэцким каналом («Двадцать тысяч лье под водой») и ядро нашей планеты не холодное («Путешествие к центру Земли»). Но от таких «ошибок» произведения Жюля Верна становятся еще интереснее. Словно писатель создал альтернативный мир.

Жюль Верн — один из самых популярных авторов в мире. По количеству переводов он уступает только Агате Кристи. Насчитывается более двухсот экранизаций его произведений. В начале XXI века по влиянием его творчества появилось новое направление в фантастике — стимпанк. И несмотря на то, что большинство его романов появились более столетия назад, интерес к ним остается неизменным.

**ПУТЕШЕСТВИЕ
К ЦЕНТРУ ЗЕМЛИ**

ГЛАВА I¹

24 марта 1863, в воскресенье, дядюшка мой, профессор Лиденброк вернулся домой раньше узаконенного часа и стремительно ринулся в двери.

Обед был еще не готов, и это несвоевременное возвращение несказанно смутило нашу кухарку Марту.

— Ну! — подумал я, если дядюшка проголодался, так теперь подымет такой крик, что хоть святых вон понеси!

Дядюшка мой был пренетерпеливый человек.

Марта приотворила дверь в столовую и, тоскливо глядя на меня, с волнением вскрикнула:

— Г. Лиденброк уж воротился? Господи! Что это значит? Верны ли наши часы? Вы видели, г. Аксель, он уж пришел!

— Да. Марта, уж пришел, — отвечал я. — У вас обед еще не готов? Что ж, это резонно: ведь еще нет двух часов. На Сен-Мишельской колокольне только что пробило половина второго.

— Так отчего же это г. Лиденброк воротился так рано?

— Не знаю, но вероятно он это нам объяснит.

— Вот он! Ну, я поскорей убегу. Вы, г. Аксель, пожалуйста урезоньте его, если он подымет бурю... Ишь, как несется по лестнице! Я убегу... Вы урезоньте его, г. Аксель, пожалуйста...

И Марта поспешно скрылась в свое кухонное святилище. Я остался один в столовой.

Надо признаться, что я вообще характера очень смиренного и «урезонивать» строптивного дядюшку не представляло для меня

¹ Перевод Марко Вовчок.

особого удовольствия. Я подумывал, нельзя ли мне как-нибудь проюркнуть в свою коморку, на чердак, но, пока я собирался, лестница закрипела под тяжелыми торопливыми шагами, — хозяин дома появился, быстро прошел через столовую, сбросил с себя широкополую шляпу, кинул трость в угол и, исчезая в своем рабочем кабинете, крикнул мне:

— Аксель! иди-ка сюда!

Я еще не успел и пошевелиться, как уж из кабинета грянуло:

— Аксель! Да что ж ты, где ты там запропастился?

Я поспешил в кабинет нетерпеливого дядюшки.

Профессор Отто Лиденброк был человек не строгий и не злой, но сумасброд и чудака каких мало.

Он страстно любил науку и отличался непомерным упрямством. Уж если он раз что-нибудь забирал себе в голову — так конец: никакие убеждения, никакие доводы не действовали.

Ему, по пословице, хоть кол на голове теши, а он все свое.

Любовь к науке была у него, как я сказал, самая страстная, но в то же время самая эгоистичная. Он читал свои лекции с увлечением и в то же время ни мало не заботился ни о развитии своих слушателей, ни о том — приносят ли эти лекции им пользу, — он читал, если смею так выразиться, для самоуслаждения.

В Германии до сей поры еще водятся «кладези науки», из которых чрезвычайно трудно зачерпывается каждая капля знания.

Как бы то ни было, дядюшка был настоящий ученый. Он был отличнейший минералог и геолог. Посмотрели бы вы на него, когда он являлся с своим молотком, стальной иглой, магнитною стрелкой, паяльной трубкой, сосудом с азотной кислотой! — По излому, виду, твердости, способности плавиться, по звуку, запаху, по вкусу какого-нибудь минерала, он живо классировал его между шестьюстами родов минералов, известных в настоящее время в науке.

Имя профессора Лиденброка было всем известно. Его посещали, проездом через Гамбург, и Гемфри Деви, и Гумбольдт, и капитаны Франклин и Сабин. Беккерель Эбельман, Брюстер, Дюма, Мильн Эдвардс, Сент-Клер Девиль часто совещались с ним по самым животрепещущим вопросам химии.

Представьте себе человека высокого, как шест, сухого, как копченая треска, здорового и крепкого, как железо. Ему было лет под пятьдесят, но белокурые волосы так его молодили, что никто бы не дал ему больше сорока. Огромные, круглые, голубые глаза живо бегали под громадными очками, а длинный, тонкий нос походил на отточенное лезвие; ходил он быстро, со сжатыми скулами (что служит, говорят, признаком буйного характера), а в ходьбе был неутомим; шаги у него были такие гигантские, что он мог всякого своего спутника привести в отчаяние.

Он жил в своем собственном маленьком домике на Королевской улице; окна выходили на один из тех кривых каналов, что пересекаются в самом старинном квартале Гамбурга, уцелевшем от страшного пожара 1842 года.

Домик был старенек, но еще держался хорошо. Громаднейший вяз, совершенно вросший в фасад зданьца, служил ему, я полагаю, главной опорой. Весной свежие почки этого вяза так и лезли в окна.

Кроме дядюшки в этом домике жили его крестница, семнадцатилетняя девушка, по имени Гретхен, пожилая, добрейшая кухарка Марта и я.

В качестве племянника и сироты я сделался помощником г. профессора во всех его опытах и скоро так пристрастился к геологии, что все почти время возился с минералами.

Вообще говоря, в профессорском ветхом домике жилось хорошо. Хозяин, правда, был взбалмошен, вспыльчив, криклив, но он по-своему любил меня.

Итак, я поспешил в кабинет на громогласный зов дядюшки.

ГЛАВА II

Дядюшкин кабинет был настоящий музей. Все образцы минерального царства расположены были здесь с приличными надписями, в отличнейшем порядке.

ЖЮЛЬ ВЕРН

Как близко мне были знакомы все эти представители минерального царства! сколько раз я чистил и обметал все эти графиты, лигниты, антрациты, различные породы каменного угля и торфа! как бережно сдувал я пыль с этих горных и древесных смол, с этих органических солей, с этих металлов, начиная, с железа и кончая золотом и со всех этих камней, которых бы наверно хватило на постройку нового домика!

Входя в кабинет, я, впрочем, думал не о вышеупомянутых чудесах, а о дядюшке.

Он уже сидел в своем старом широком кресле, с глубочайшим вниманием просматривал какую-то книгу и беспрестанно восклицал:

— Что за книга! Что за книга!

Спешу прибавить, что дядюшка, в досужее время, был и библиоманом, но в его глазах только та книга имела значение и цену, которой или нигде нельзя было найти, или над которой можно было потерять зрение.

— Что ж, Аксель, или ты не видишь? — вскрикнул он при моем появлении. — Да ведь это неоцененное сокровище! Это... я нашел этот экземпляр в жидовской лавочке, у Гевелиуса!

— Великолепный экземпляр! — сказал я, стараясь тоже прийти в восторг.

Но мне трудненько показалось восторгаться старой, пожелтевшей книжонкой, в кожаном вылинявшем переплете.

— Да ты погляди-ка! — восклицал дядюшка. — Погляди, каков переплет! Ведь ей семьсот лет!

— А как называется это сочинение? — спросил я.

— Это сочинение? — повторил дядюшка с каким-то диким визгом. — Это Heims-Kringla Снорра Турлетона, знаменитого исландского ученого и поэта двенадцатого века! Это хроника норвежских князей, которые царствовали в Исландии!

— Неужто? И это перевод на немецкий язык?

— Перевод! — презрительно повторил дядюшка. — Очень нужны мне переводы! Это оригинальное сочинение, на исландском языке! Слышишь, на великолепнейшем, богатейшем исландском языке!

— А! Ну, а шрифт хорош?

— Шрифт? Ах, несчастный молодой человек! Я разве говорил тебе о шрифте? Так ты воображаешь, что это напечатано? О, невежда! О, злополучный! Это манускрипт, рунический манускрипт!

— Рунический?

— Да, да, рунический! Ты знаешь ли, что такое руны, а? Рунами называются буквы, которые в древности употреблялись в Исландии! Они, эти руны, по преданию, изобретены самим Одним! Слышишь? Самим Одним! Слышишь? Их изобрел Один! Да смотри же! удивляйся же! благоговей же! наслаждайся же!

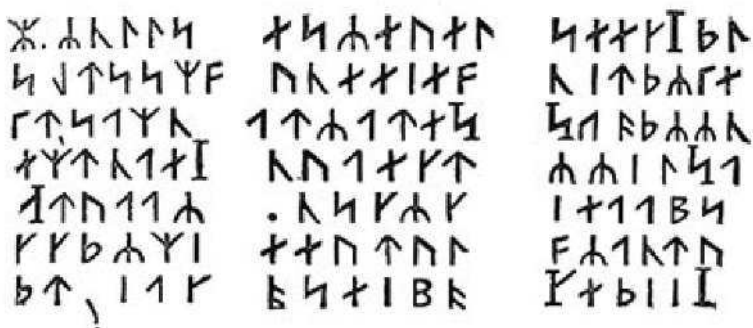
Я старался исполнить в угоду дядюшке все приказанное, как вдруг из рунического манускрипта выпал какой-то грязный документ.

Дядюшка неистово на него кинулся.

— Что это такое? Что это такое? — воскликнул он.

Он бережно разложил и расправил на столе небольшой лоскут пергамента, испещренный какими-то странными знаками.

Может статься, кто-нибудь полюбобытствует знать, что это были за знаки и потому я их здесь изображу.

Дядюшка поглядел несколько минут на письмена, потом приподнял очки на лоб и проговорил:

— Это руны! Эти знаки... Да, ни дать ни взять, как в манускрипте Снорра Турлетона! Но... что бы это значило?

ЖЮЛЬ ВЕРН

Дядюшка волновался все более и более.

— Однако, это древний исландский язык... бормотал он: Древний исландский... Да!

Дядюшка еще известен был как полиглот. Разумеется, он не говорил бегло на всех двух тысячах языках и четырех тысячах наречиях, которые употребляются на земном шаре, но многие из них знал хорошо.

Он не только с волнением, но уже с раздражением и гневом повторял несколько раз:

— Это руны! Это руны — руны — руны!..

В эту самую минуту часы пробили два.

Только что бой затих, Марта распахнула двери и доложила:

— Суп подан!

— Черт побери суп, и ту, которая его варила, и тех, кто будет его есть! — с бешенством крикнул дядюшка.

Марта ударилась бежать. Я тоже следом за нею выпоркнул из кабинета и, сам хорошенько не знаю как, очутился на своем обычном месте за обеденным столом.

Я ждал несколько минут. Дядюшка не являлся.

— Что ж еще ждать? или начать без него?

Задав себе раз двадцать этот трудный вопрос, я наконец решился и принялся за обед.

— Никогда еще этого не бывало! Никогда! — говорила Марта, покачивая головою.

— Чего не бывало, Марта?

— Как же это, обед подан, а г. Лиденброк думать про него забыл!

— Да, это что-то странно!

— Ну, вы попомните мое слово, г. Аксель: это не к добру! Уж что-нибудь да будет!

— Будет, пожалуй, изрядная мне баня, когда дядюшка вспомнит про обед и увидит, что обед съеден. Ну что ж! Семь бед, один ответ: надо, по крайней мере, досыта напитать свою душу!

— Ох, не шутите, г. Аксель...

Вдруг раздался голос дядюшки. Я вскочил и в один прыжок очутился вновь в кабинете.

ГЛАВА III

— Это руны! — говорил дядюшка: — это всенепременно руны! Но тут есть тайна... Да, тайна! Я эту тайну открою... Да, или я ее открою, или...

Энергический жест закончил фразу.

— Садись к столу, Аксель, и пиши, что я буду диктовать! Смотри: у меня не ошибаться! Я буду тебе диктовать буквы латинской азбуки, соответствующие буквам исландским... Ну!

Он начал диктовать, а я усердно принялся писать и скоро настрочил три столбца следующих, непонятных мне, слов:

m.rnlls	esreuel	seecJde
sgtssmf	unteief	niedrke
kt,samn	atrateS	Saodrrn
emtnael	nuaect	rrilSa
Atvaar	.nsrcr	ieaabs
Ccdrmi	eeutul	frantu
dt,iac	oseibo	Kediil

Дядюшка взял листок в руки и начал его разглядывать.

— Что ж бы это такое значило? — бормотал он. — Что ж бы это такое значило? Кажется, это то, что мы называем криптограммой, то есть формой письменной речи, в которой смысл в буквах, преднамеренно расположенных в рассыпную... А поставьте вы буквы как следует, и фраза будет яснее божьего дня... Творец мой! Может здесь объяснение какого-нибудь великого открытия!

Он стал сличать пергамент с манускриптом.

— Писаны не одной рукой, это ясно! Криптограмма, это произведение новейшее. Это можно заключить из того, что в ней первая буква — двойной М, которого не встретишь в книге Турлетона, потому что он прибавлен к исландской азбуке позднее — уже в четырнадцатом столетии. Верно, кто-нибудь

ЖЮЛЬ ВЕРН

из владельцев манускрипта написал эту криптограмму. Нет ли тут где-нибудь его имени? Посмотрим, посмотрим...

Дядюшка снял очки, вооружился сильной лупой и стал перелистывать манускрипт.

На второй же странице оказалось какое-то темное пятно. Дядюшка наставил на него лупу и вдруг вскрикнул:

- Имя!
- Имя? — повторил я.
- Да, да, имя! Руническими буквами написано, видишь?
- Что написано?
- Арн Сакнуссем!
- Кто это такой? — спросил я.

1234 5678901234

— Кто такой? Ученый шестнадцатого века, знаменитый алхимик! Ты знаешь ли, что эти алхимики, Авиценна, Бекон, Лулли, Парацельс и Сакнуссем — единственные ученые своего времени! Они сделали великие открытия... Под этой криптограммой Арн Сакнуссем, может, скрыл какое-нибудь тоже изумительное открытие... открытие первой важности... Иначе и быть не могло! Да, здесь непременно оно скрыто...

— Разумеется, дядюшка, разумеется. Но я только не понимаю, к чему скрывать такие вещи под криптограммой?

— К чему? А к чему Галилей скрывался со своим Сатурном? Да вот узнаем, узнаем: я не усну, я ничего в рот не возьму, пока не подберу ключа к этой задаче!

— О!

— И ты тоже, Аксель!

— Слава богу, что я догадался пообедать! — подумал я.

— Прежде всего, — продолжал дядюшка, — надо открыть язык шифр... Это, вероятно, не трудно. Сакнуссем был человек очень образованный для своего времени. Если он не писал на своем родном языке, то писал, значит, на самом употребительнейшем между учеными шестнадцатого века, то есть на латинском!

Затем полились целые потоки рассуждений, доводов и примеров.